

Баригор, Лориц, 10 мая 3607 года

Вернон сидел на стуле перед камином, напряженно глядя в огонь и барабаня ногой по полу. Он не мог больше ждать. Все происходило слишком медленно. Да, король умирал. Но мучительное ожидание длилось уже две недели. Его месть должна была свершиться, Карандра обещала. Но дни шли, а Фридрих жил.

Изрисованная синими татуировками шаманка подошла к Вернону сзади и положила руку на плечо. В комнате стало темнее, огонь как будто потускнел. Но Вернон тут же почувствовал силу. Тьма успокаивала его. И шептала голосом Карандры, чьи слова он чудом понимал:

— Терпение, вождь. Скоро вы займете место отца. Осталось недолго.

— Сколько? — нетерпеливо спросил принц.

— Недолго, — ответила северянка, — и ваша месть свершится.

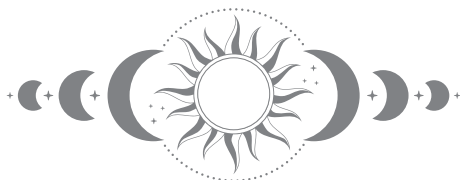
Мечь. Мысль о ней теплом разлилась по телу. Скоро он сможет открыть всем глаза на то, каким Фридрих был на самом деле. Сломать образ справедливого правителя и мудрого лидера. Сломать и растоптать. Так же,

как Фридрих растоптал его, Вернона, жизнь, жизнь Анны, Томаса и других. Все узнают правду. И будут чествовать его, Вернона I. Будут превозносить. Он станет лучшим королем в истории Баригора. При помощи Карандры он приведет эту страну к небывалому могуществу. И тогда они будут уважать его. Будут боготворить. Он докажет им.

Докажет.

Скоро.

*Баригор, королевские земли,
13 мая 3607 года*

Радостное щебетание птиц разносилось над полем уже подросшей, но все еще ярко-зеленой пшеницы, раскинувшимся насколько хватало глаз. Со всех сторон слышался стрекот кузнечиков, жужжание насекомых и шелест полевых грызунов. Природа оживала после долгих зимних холодов и совершенно не обращала внимания на двух путников, расположившихся на привал у обочины дороги, змейкой тянущейся через поля за горизонт.

Двое мужчин отдыхали на пледе, расстеленном прямо на земле в тени нескольких небольших придорожных кустов, привязав коней к едва заметному среди зелени верстовому столбу. Один из них сразу привлекал к себе внимание своей необычно болезненной бледностью, которую лишь подчеркивал темно-зеленый цвет его сюртука. Граф Седрик Ардейн, известный в Баригоре как сильнейший некромант своего времени. Человек, которого знали и боялись все в королевстве. Седрик со скупящим видом разглядывал окружающий пейзаж, жуя сорванную тут же травинку. Рядом с ним на плед лежал посох из черного дерева длиной почти в челове-

ский рост со странным, будто бы светящимся изнутри изумрудом-набалдашником.

Второй мужчина, привлекательный шатен в изящном коричневом костюме — герцог Квентин фон Аурверн — выглядел озабоченным. Взгляд его медовых глаз метался из стороны в сторону, реагируя на каждое движение и шорох. Одной рукой Квентин опирался на землю, а другой нервно теребил шелковый шейный платок.

— Ваша светлость, вы слишком напрягаетесь, — лениво протянул Седрик, скосив взгляд необычных темно-изумрудных глаз на своего спутника.

Квентин резко повернул голову в его сторону:

— Тебе легко говорить, Седрик, это не тебе было приказано не появляться в столице лично ее величеством.

— Вас это беспокоит? — Седрик изогнул черную бровь. — Даже в текущей ситуации?

— Что же еще может меня беспокоить? Я планирую нарушить прямой приказ своего сюзерена.

— Не сюзерена, а его супруги, я попрошу.

— Ты правда считаешь, что это что-то меняет?

— Нет. Но посмотрите на это иначе, ваша светлость, — Седрик сделал пространный жест рукой, держа травинку на манер мундштука, — король не сегодня завтра откинёт копыта...

— Седрик! Как ты можешь говорить такое о его величестве!

Некромант закатил глаза:

— Ты всегда такой серьезный, Квентин, это невыносимо. — Его голос звучал совсем не так, как мгновением раньше: в его тоне появились капризно-обиженные нотки.

— А ты даже в такой непростой ситуации продолжаешь дурачиться и называть меня светлостью! — В голосе Квентина не слышалось злобы, скорее дружеский упрек. Не могло быть сомнений, что эти двое — давние друзья.

— Так вот, — продолжил Седрик, вновь придав своему голосу напускную серьезность, — о чем это я. Король на смертном одре и в любой момент может воссоединиться с Алором.

— Не будь это так, ты бы ни за что не уговорил меня поехать в столицу, — пробурчал себе под нос его собеседник.

— Да-да, вы нарушаете приказ, я помню. Но речь сейчас не о том. Как вы считаете, кто унаследует трон после трагической кончины Фридриха?

— Конечно же Вернон, — Квентин выглядел озадаченным, — он старший сын.

— Старший сын, который последние десять лет, с самого совершеннолетия, управлял далеким северным Льежем? Он темная лошадка, дворяне его не поддерживают.

— Как будто у них есть выбор. Он наследник престола.

— Ах, ваша светлость, для такого разумного человека вы порой проявляете удивительную наивность! Король может взойти на престол и, что даже более важно, надолго там задержаться только при поддержке двора.

— На что ты намекаешь, Седрик?

— Я не намекаю, ваша светлость, я склонен говорить прямо. Уверен, уже сейчас наши с вами друзья, — из уст Седрика последнее слово прозвучало особенно мерзко, — подбивают клинья под позиции Вернона. Возможно, им даже удастся убедить его отречься.

Квентин только усмехнулся:

— Я помню Вернона. Не думаю, что кому-то удастся его запугать. Не после того, через что он прошел.

Седрик лениво пожал плечами:

— Тем хуже для него.

Мужчина замолчал, продолжая жевать травинку, пока Квентин буравил его глазами. Наконец, тот не выдержал и спросил:

— И кого же, ты считаешь, поддержит двор?

— О-о-о, — тут же оживился Седрик, — здесь есть множество вариантов. Во-первых, есть группа министра финансов. Не знаю, в курсе ли вы, но в последние годы он стал очень близок с королевой. Если вы понимаете, о чем я.

При этих словах у Квентина дернулся глаз — движение столь необычное для его спокойного и, в отличие от его друга, почти лишенного мимики лица.

— Так вот, — продолжил Седрик, — я думаю, министр будет пытаться продвинуть Матильду на трон, напрямую или через какую-нибудь мерзкую схему — это в его духе.

Квентин напряженно кивнул, но ничего не сказал.

— Говорят, что армия в лице генерала Троя на стороне Эсмеральды. Не знаю уж, чем эта девчонка заслужила преданность старого вояки. Но, может, конечно, она воспользовалась своими...

— Пожалуйста, не продолжай, я понял, к чему ты клонишь. Откуда ты все это знаешь? Ты же не был при дворе даже дольше, чем я!

— Наш дорогой друг Реймонд никогда не оставит меня без свежих сплетен. Его письма — нескончаемый источник пикантных подробностей придворных интриг.

— Мы с герцогом фон Моргенштерном обсуждаем военное дело и ситуацию в экономике.

— Я и не сомневался. — Седрик задорно улыбнулся уголками губ. — Кстати о Реймонде, он тоже не остался в стороне от разборок и возглавляет пока небольшую фракцию тех, кто поддерживает принца Регина.

— Регина? Он же совсем ребенок!

— Ваша светлость, с тех пор как вы учили его фехтовать, прошло больше времени, чем кажется. Принцу уже шестнадцать. Он достаточно взрослый, чтобы править самостоятельно.

— Самостоятельно под чутким руководством Реймонда?

— Все-таки вы не так наивны, как пытаетесь казаться, — усмехнулся Седрик, — но нет, насколько я понял из его писем, Реймонд возлагает на мальчишку большие надежды. Вам должно быть виднее. В отличие от меня вы с ним знакомы.

— Когда я был с ним знаком, Регину было одиннадцать.

— И как, подавал ли он надежды?

Квентин задумался.

— Для одиннадцатилетнего он действительно хорошо справлялся с фехтованием.

— Ну, умение махать мечом, как мы знаем, ни о чем не говорит. — Седрик многозначительно посмотрел на Квентина, но тот лишь пожал плечами и дернул в сторону подбородком.

Еще какое-то время они молчали. Квентин поднялся, размял затекшие ноги и, достав из седельных сумок флагу, сделал несколько глотков воды. Он выглядел отрешенным. Слова Седрика взволновали его. Он так и стоял возле своей лошади еще довольно долго, а потом

вдруг встрепенулся, будто разбуженный, и пристально посмотрел на Седрика:

— Реймонд хочет, чтобы мы присоединились к нему, да?

— Не могу знать, чего хочет герцог фон Моргенштерн, ваша светлость.

— Хватит уже, Седрик, это серьезный вопрос.

При этих словах Седрик резко изменился в лице. Игриво-насмешливое выражение исчезло, сменившись серьезным, даже тяжелым взглядом.

— Да, Квентин, Реймонд не скрывал, что хочет видеть нас с тобой на своей стороне. На стороне принца Регина. Потому что Вернон непредсказуем и нестабилен. Те, кто встречался с ним в последние годы, говорят, что пережитое сильно повлияло на его характер. Никто не хочет видеть его на престоле, ни в Лорице, ни в провинциях, ни даже в столицах наших соседей. Приход к власти королевы Матильды будет означать усиление министра финансов, а этот скользкий ублюдок точно найдет способ попить нашей крови, как и его батюшка в Лаппорте. Не говоря уже о том, что у тебя с королевой тоже не лучшие отношения.

— Хватит напоминать мне о том, что Матильда пыталась затащить меня в постель.

— Сейчас это не важно. Важно то, к чему это привело и к чему для тебя и всего рода фон Аурверн приведет воцарение Матильды. Да и с Лаппортами вы не в ладах, разве нет? — Седрик сделал паузу, позволяя своему другу впитать информацию. — Есть еще Эсмеральда, но она никогда не отличалась особым умом или заинтересованностью в политике, при ней власть перейдет фракции военных, которые тут же затеют какую-нибудь маленькую победоносную войну для оправ-

дания своего существования. Это в лучшем случае. В худшем — принцесса выскочит замуж за иностранного ухажера и поставит Баригор на грань вассальной зависимости. Остается только Регин. Реймонд уверен, что со временем и при должном содействии он сможет стать сильным правителем. Именно такой сейчас и нужен этой стране. А не старая развратница или молоденькая рыжая дурочка.

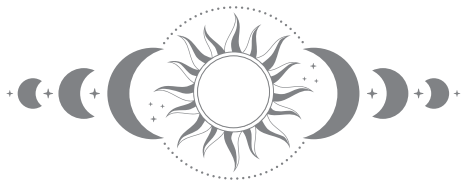
— Ты говоришь разумные вещи. Но идти против законного наследника престола? Это же заговор, предательство!

— Во имя Алора, ваша светлость, никто не предлагает вам свергать законного наследника. Тут и без нас желающих хватает. Наша задача — когда дело будет сделано, убедиться, что именно Регин займет вакантное место.

— Как будто это что-то меняет, — нахмурился Квентин.

— У вас еще есть время подумать. До Лорица еще не меньше двух дней пути.

Баригор, Лориц, 15 мая 3607 года

— **М**ой дорогой друг! Добро пожаловать ко двору короля Фридриха! Проходите, проходите, уверен, всем не терпится вас поприветствовать.

Сухопарый мужчина средних лет с аккуратной, тронутой сединой бородкой расплылся в улыбке. Но в его глазах плясали черти. Собравшиеся в просторной богатой гостиной, выходящей на террасу в саду, явно не разделяли его энтузиазма. Стоило одетому в роскошный изумрудно-зеленый фрак мужчине с посохом черного дерева войти в залитый солнцем зал из дворцового сада, как по помещению пробежал нервный шепот. Какая-то дама даже вскрикнула.

— Это же Седрик Ардейн! — воскликнул кто-то громче, чем позволял этикет.

— Что, тот самый? — подхватил другой. — Некромант?

В их словах слышались и ужас, и благоговение. В Баригоре некромантов боялись. Уважали, потому что на протяжении многих сотен лет они служили королевской семье, но больше боялись. Про некромантов ходили самые жуткие слухи, а историями о них матери пу-

гали своих детей. «Будешь плохо себя вести — придет некромант и превратит тебя в своего мертвого раба» — это слышал, должно быть, каждый ребенок Баригора. И всё же некроманты были знатно, частью королевского двора. И дворянам волей-неволей приходилось мириться с их присутствием.

Сейчас, когда король находился в шаге от кончины, все придворные с трепетом ждали появления некроманта. Иначе и быть не могло, ведь где смерть — там и ее жрецы. Но никто не ожидал, что этим некромантом окажется сам граф Седрик Ардейн — по слухам, единственный за несколько веков некромант, которому удалось достигнуть четвертого круга.

Седрик вышел на середину гостиной. Окинул взглядом нарядных дам и кавалеров, группками стоящих у столиков с легкими закусками, напряженно сидящих на неудобных, но изящных голубых кушетках или следящих за происходящим с балкона второго этажа. Все они выглядели так, как будто пришли во дворец на бал, а не ждали тут новостей о смерти своего правителя. Для собравшихся здесь смена власти означала новые возможности, а вовсе не трагедию.

— Господа, дамы! Рад видеть вас всех в добром здравии! — Голос Седрика звучал радостно и непринужденно, как будто он пришел на встречу с друзьями, но сквозь него струился яд. — Как жаль, что того же нельзя сказать о нашем короле!

Кто-то на балконе ахнул.

— Но я могу вас заверить, его величество еще жив, я бы почувствовал, будь это не так. Поэтому вы можете пока расслабиться и продолжить угощаться этими изысканными закусками и винами, уверен, они восхити-